

ТАК СЛУЧИЛОСЬ, что мое знакомство с творчеством и личностью Ванды Львовны Василевской как бы само по себе проходило в три этапа. Они были совершенно неравнозначны, эти этапы, растянувшиеся более чем на два десятилетия.

ПЕРВЫЙ падает на фронтовые годы. Как и многие из того поколения, которое принято называть ныне военным, мы, вчерашние школьники и студенты, в редкие минуты фронтового затишья всегда рвались к книгам да и вообще к чтению — жадно хватили центральные и армейские газеты, не без перебоев попадавшие на передовую, там нередко встречали статьи и очерки Ванды Василевской. Как раз в период боев за освобождение Украины к нам в 1008-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк попало несколько экземпляров повести «Радуга» — ее читали, что называется, в захлеб.

Еще более сильное впечатление на том этапе оставил сделанный по повести «Радуга» кинофильм. Было это уже в конце 1944 года на территории Венгрии. После тяжелых боев наш изрядно потрепанный полк отозвали с передовой на переформировку. За многие месяцы непрерывного наступления мы оказались вдруг в каких-то 30—40 километрах от линии фронта. Жизнь там показалась нам настоящим раем. Даже кино привозили. И вот, узнав, что в соседней воинской части будут показывать фильм «Радуга», мы написались к соседям в гости. Что вам сказать? Мы были буквально потрясены. Почти никто по окончании сеанса не поднялся со своего места. И тогда перед белым полотном экрана появился какой-то капитан и громко объявил: «По просьбе солдат и офицеров с Украины сейчас покажем «Радугу» еще раз».

Я вспомнил этот эпизод, когда недавно, в связи с 40-летним юбилеем этого фильма, прочитал в одном из журналов слова знаменитого итальянского кинорежиссера Джузеппе Де Сантиса, сказанные им еще в годы войны: «Больше, нежели в чем-либо другом, можно видеть в «Радуге» связь между художественным творчеством и эпохой, а также страной, в которой произведение зародилось... Упорной, беспредельной ненависти к врагу противопоставляется столь же беспредельная любовь к Родине. Эти два лейтмотива пронизывают фильм, и отсюда рождается весь драматизм, вся поэтичность, сила воздействия «Радуги»».

В НАЧАЛЕ 50-х годов произошло уже личное мое знакомство с Вандой Львовной, когда я получил редакционное задание «Литературной газеты» поехать с ней на предвыборные встречи с избирателями. Предстояла совместная поездка на несколько дней по трем районам Черниговской области, где баллотировалась В Василевская (начиная с 1940 года и до конца жизни она шесть раз подряд избиралась депутатом Верховного Совета СССР). Была весна 1954 года, Ванда Львовна и Александр Евдокимович Корнейчук жили тогда в особняке на улице Артема, откуда мы и выехали ранним утром на черном «ЗИМе». Первое время я немного робел, но Ванда Львовна незаметно втянула меня в разговор, и сразу же возникла непринужденная атмосфера, хотя внутренне я не переставал ощущать дистанцию, которая отделяет меня, молодого журналиста, от выдающейся писательницы и общественной деятельницы с мировым именем.

Блистательная рассказчица, она показалась мне столь же блистательной слушательницей — очень любопытной, заинтересованной, улавливающей мысль с полуслова. Внешне весьма строгая, как бы даже неприступная и внушительно горделивая, она вместе с тем была исключительно демократична и проста с людьми настолько, что перед ней хотелось быть откровенным до конца, просто хотелось открыть душу. Суровая на вид, она радовалась каждой шутке. И всегда, при всех обстоятельствах оставалась к тому же еще и обаятельной женщиной. Впрочем, эти мои запоздалые восторги тоже не передадут читателю того огромного впечатления, под которым я возвратился из поездки с Вандой Львовной по Козелецкому, Нажинскому и Остерскому районам Черниговщины. По молодости лет я не догадался тогда делать подробные записи, фиксировал в блокноте лишь то, что могло пригодиться для репортажа. Очень жаль, конечно. Но один эпизод все же врезался в память (подробно я рассказывал о нем в своей книге «На могиле иначе»).

Дело в том, что повсюду, где выступала тогда В. Василевская (оратором она была прирожденным, и слушали ее с неподдельным интересом и вниманием в любых аудиториях), каждый раз после окончания официальной части писательницу, как водится, окружали люди, расспрашивали о последних книгах, о планах, просили автограф. Так было и в Козельце. Мы уже выходили из клуба, когда сквозь толпу протиснулся паренек и протянул Василевской книгу без обложки, такую потрепанную, что кто-то из местного начальства не выдержал:

— И не стыдно тебе показывать такую книгу? Где ты ее выкопал?

— Из-под земли, — обижено буркнул паренек и смущенно посмотрел на писательницу, ожидая автограф.

— Ничего, ничего, — успокоила его Ванда Львовна. — Бывает...

И подписала книгу.

На обратном пути, в машине, мы говорили о прошедшей встрече. Когда вспомнили случай с козельским паренком, Василевская усмехнулась. Только потом я понял, какие ассоциации у нее вызвал эпизод с этой книгой. Оказывается, рукопись романа В. Василевской «Звезды в озерах» пролежала несколько лет под землей, «скрываясь» от фашистских оккупантов. Писала ее Ванда Львовна во Львове, куда перебралась после нападения немцев на Польшу, писала по свежим следам войны. 400 с небольшим страниц были перепечатаны пе-

К 80-летию
со дня рождения
Ванды Василевской

РАДУГА ЕЕ ЖИЗНИ

ред роковым июньским воскресеньем 41-го года.

— Покидая в спешке Львов, я даже не подумала о рукописи, — рассказывала мне Ванда Львовна. — И долго о ней не вспоминала. Голова была забита фронтовыми делами, военной публицистикой... Когда меня иногда спрашивали, что с рукописью романа, я отвечала: «Погибла». Очевидно, и книги, как люди, тоже гибнут на войне...

К счастью, книга не погибла. Как выяснилось, одному из львовских друзей Ванды Львовны удалось спрятать ее в подвале какого-то дома, где в коробке от противогАЗа она пролежала четыре года. В 1945-м ее откопали, и в том же году Победы книга наконец увидела свет — в буквальном и переносном смысле этого слова.

Вспоминая сегодня необычную судьбу этой рукописи, я невольно думаю о судьбе ее автора, судьбе тоже сложной и трудной, но в то же время и прекрасной, ибо не могла Ванда Василевская не понимать того, что вся ее насыщенная бурными событиями жизнь всецело отдана благородной борьбе за человеческое счастье.

ОНА БЫЛА поистине неутомимой труженицей — и в этом легко убедиться по материалам архива, оставшегося после смерти писательницы. Собственно архив и стал для меня в некотором роде третьим этапом знакомства с творчеством и личностью Ванды Василевской.

Архив этот поражает прежде всего обилием рукописей, среди которых — романы и повести, рассказы и очерки, работы философского и литературно-критического характера (В. Василевская имела ученую степень доктора философии), пьесы и киносценарии, оперные либретто, статьи и фельетоны, стихи и переводы... Тысячи страниц (многие произведения имеют по несколько вариантов) рукописного, а часто и машинописного текста во всех без исключения жанрах литературы. И это при том, что варшавский архив писательницы пропал, поскольку во Львов из Варшавы она вынуждена была добираться пешком. Напомню, что еще в 1934 году вышла в Польшу первая книга Ванды Василевской «Облик дня», на которую, кстати сказать, сразу же обратил внимание М. Горький, дав ей высокую оценку.

Обе стороны деятельности Ванды Василевской — литературная и общественная, жизнь и творчество — всегда были для нее нераздельны, обе стороны отмечены самыми высокими и почетными знаками отличия. Она была награждена тремя орденами Ленина. Кроме того, в годы войны В. Василевская была удостоена воинских наград СССР и народной Польши. Трижды ее произведения отмечались Государственными премиями СССР — повесть «Радуга» в 1943-м, повесть «Просто любовь» в 1946-м и роман «Реки горят» в 1952 году.

В начале этих заметок я говорил о войне. Это естественно, если вспомнить роль В. Василевской в борьбе с фашистскими агрессорами. Сейчас разговор пойдет о мире, но это тоже будет рассказ о Ванде Василевской, об исключительно активном и деятельном участии ее в международном движении сторонников мира, одним из организаторов которого она была.

«Всем нам, участникам общего дела — движения за мир работавшим в течение долгих лет с Вандой Василевской, — писал видный английский общественный деятель и писатель Айвор МОНТЕГЮ, узнав о смерти Ванды Львовны, — будет очень недоставать нашего мужественного товарища. Всем, кто ее знал, будет не хватать дорогого друга».

«Не забуду ее! — писал из Лондона Джон ПРИСТИ — Я вспоминаю, как мы встречались с ней в 1945 году. Это было в Киеве. Она принимала нас у себя дома, и я был очарован ее гостеприимством. Я знаю, какую героическую роль она сыграла в освободительной борьбе

польского народа во время войны. Я глубоко опечален сознанием того, что уже более не увижу ее».

В архиве Ванды Львовны хранится письмо президента-исполнителя Всемирного Совета Мира, крупного английского ученого-физика и философа, члена Лондонского королевского общества, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Джона Бернала. Приведу этот любопытный документ, который, помимо Ванды Львовны, был адресован также М. Шолохову, А. Корнейчуку, М. Турсун-заде и другим видным борцам за мир:

«Дорогой друг! Мы пишем Вам сегодня, так же, как и другим основателям нашего Всемирного движения за мир, чтобы вызвать в памяти момент его возникновения. Десять лет прошло с тех пор, как оно было создано в зале Плейель в Париже, — десять лет, которые мы посвятили совместной борьбе за сохранение мира».

Мы хотим отметить эту годовщину на специальной сессии Всемирного Совета, которая состоится в Стокгольме.

Благодаря нашему покойному председателю Фредерико Жолио-Кюри, Вам лично, а также другим основателям Движения оно стало великим Движением, воплощающим самые благородные стремления человечества.

Все мы были свидетелями того, как наше Движение развивалось с каждым годом, становясь могучей миролюбивой силой.

В течение этих десяти лет мы в рамках нашего Движения защищали мир, выступали против опасности возникновения войны каждый раз, когда местный или общий конфликт угрожал человечеству. Именно благодаря нашей помощи и Вашей вере в способности простых людей защитить мир укрепилась сила и единство нашего Движения.

В Манифесте, принятом в завершение нашего первого Конгресса, мы заявили о своей готовности и решимости выиграть битву за мир, то есть битву за жизнь. Это обязательство вдохновило мужчин и женщин всего мира принять участие в деятельности нашего Движения.

...Мы убеждены, что с Вашей помощью и с помощью других основателей Движения празднование его годовщины откроет новый этап в победоносной борьбе за окончательное устранение угрозы войны для всего человечества...»

На разного рода международных форумах, официальных конференциях и во время неофициальных встреч многое, как известно, зависит от личных качеств самих участников таких событий, от их характера и степени коммуникабельности, от ума и эрудиции, от ораторских способностей, наконец, просто от улыбки и человеческого обаяния. В этом смысле супружеский тандем борцов за мир Ванда Василевская — Александр Корнейчук, по общему мнению их коллег, не имел себе равных. Ванда Львовна (с ее обаянием и превосходным знанием языков) вообще была, как говорится, нарасхват. Я приведу только два примера.

Когда известному прогрессивному деятелю Эдуару Эррио была присуждена Международная премия Мира 1954 года и встал вопрос о торжественном ее вручении, на имя Ванды Львовны пришла телеграмма следующего содержания: «Церемония вручения Международной премии Мира председателю Эррио состоится 13 июня в Лионе. Эррио и Французский комитет (подчеркнуто мною. — К. Г.) хотели бы, чтобы Вы представляли жюри. Убедительно просим Вас запросить французскую визу, чтобы быть в Париже 11 июня с другими делегатами».

С дружеским приветом Хорхе Салома, секретарь жюри».

Или, скажем, такая телеграмма, которая пришла из Вены в Советский Комитет защиты мира в 1959 году: «Институт мира просит Вашего согласия, чтобы Ванда Василевская представляла Всемирный Совет Мира на конференцию женщин в Швеции».

Подобные телеграммы, письма, послания — свидетельства высокого авторитета Ванды Василевской — человека и писателя — во всем мире.

К. ГРИГОРЬЕВ

КИЕП